А. В. Бодров, Н. П. Евдокимова

ВКЛАД КАФЕДРЫ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА В СОЗДАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ – ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ ИСТОРИКОВ

Прочные основы изучения истории зарубежных стран в период Нового и новейшего времени в стенах историко-филологического факультета Петербургского университета были заложены еще в дореволюционные годы. В 1885 г. начал свою деятельность в Петербургском университете основатель нашей кафедры профессор Николай Иванович Кареев. Именно он первым стал читать в университете лекции по истории стран Западной Европы Нового времени. За те годы, что Кареев вёл этот курс на историко-филологическом факультете, его хронологические рамки постоянно раздвигались за счет рассмотрения событий новейшей истории. В итоге курс охватил период с XV в. до 1914 г. и вышел под одноименным заглавием «История Западной Европы в новое время» в семи томах. Стоит отметить, что выход каждого очередного тома ожидался тогдашними студентами с большим нетерпением. Сигизмунд Натанович Валк оценивал этот труд Кареева как «единственный в европейской литературе по своим хронологическим, а также тематическим масштабам»[1].

Надо отметить, что само внедрение на факультете учебного курса, обращенного к наиболее тесно связанным с современностью историческим событиям, память о которых была свежа для живших тогда же поколений, стало отражением общеевропейских тенденций в университетской науке. Несколько условно этот процесс можно назвать растянувшейся на десятилетия борьбой между «реальным» и «классическим» образованием. «Реальное» образование должно ассоциироваться не только с расширением преподавания точных и прикладных дисциплин, которое обуславливалось все более ускоряющимся темпом технического прогресса. В сфере гуманитарной науки оно подразумевало расширение преподавания современных иностранных языков, увеличение часов, отведенных на изучение отечественной истории и, наконец, столь же глубокое и тщательное изучение истории XVIII-XIX столетий, каким до этого отличалось изучение, скажем, Средневековья или античности. Этого требовало наступление «века наций»: завершение долгого процесса становления «национальных государств» – одной из ключевых характеристик эпохи Нового времени.

Так, завершение политического объединения Германии и Италии ставило задачу создания «немцев» и «итальянцев», обретение подлинной общности в противовес формировавшимся столетиями региональным идентичностям. По общему мнению, без пересмотра отношения к истории достижение этой цели с воспитанием новых поколений было немыслимым. Можно в этой связи процитировать германского императора Вильгельма II, точно так же горячо призывавшего привнести «национальные основы» в немецкое образование, которое воспитывало скорее «молодых греков и молодых римлян», нежели «молодых немцев»[2]. Но и для таких более «старых» национальных государств Европы, как Франции и Великобритании, «реальное» гуманитарное образование становилось все более настойчивым императивом в связи с резким расширением избирательного права и вовлечением в политику все более широких слоев граждан. Наконец, новые требования к образованию и воспитанию предъявляло внедрение всеобщей воинской повинности и формирование массовой призывной армии. Успех

этой системы зависел в немалой степени от того, чтобы она воспринималась не только как обязанность, но и как долг.

Это же подчеркивалось, в частности, на вступительной лекции к общему курсу «новой истории» перед студентами младших курсов и самим Н.И. Кареевым. Как он подчеркивал, «в наше время никакая общественная деятельность немыслима без исторического образования», «XIX век сделался, можно сказать, веком истории, как XVIII был веком философским, ибо никогда раньше вообще не существовало такого сильного исторического интереса, как в последние сто лет»[3]. Он выражал сожаление, что «новейшая история находится в таком пренебрежении у нас», ибо полагал, что «наименее далекое прошлое» лучше всего объясняет современность, и тем самым только и может дать его правильное понимание[4]. В этом первая важная составляющая наследия Кареева: такое изучение недавнего прошлого, которое способствует критическому и рациональному пониманию современности.

Любопытно, что Кареев, выпускник Московского университета, воспринимался многими современниками как представитель именно «московской школы», согласно формулировке Е.А. Ростовцева, «более социологической, более подверженной влиянию философско-исторических концепций»[5]. Петербургская же традиция в большей мере была пропитана «научным реализмом», первостепенным вниманием к фактологической, источниковедческой стороне исторической науки. Этот взгляд во многом справедлив. Безусловно, в противовес мощной школе преимущественно «эмпирического» изучения истории Кареева больше привлекала разработка теоретических вопросов исторической науки. Именно это, как он сам признавался, двигало его инициативой создания «Исторического общества» при Санкт-Петербургском университете[6]. Но все же Кареев постоянно подчеркивал одинаковую значимость как «фактов», так и «идей», их связывающих. Его собственные научные труды, безусловно, не заслуживают упрека в пренебрежении глубоким изучением исторических источников, равно как и исторических фактов. В частности, Кареев был одним из тех, кто заложил основы изучения в России Великой Французской революции конца XVIII в. Этой теме («Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века») была посвящена еще его магистерская диссертация, с успехом защищенная в 1879 г. в Московском университете. В Петербургском университете он расширил охват предпосылок революции 1789 г., отразив это в работе 1911 г. «Революционные комитеты парижских секций 1790-1795». Обобщающим стал историографический труд Н.И. Кареева «Историки французской революции», опубликованный в трех томах в 1924-1925 гг.

Наряду с Н.И. Кареевым в числе ярчайших сотрудников кафедры начала XX в. может быть назван и профессор Евгений Викторович Тарле. На его лекции по новой истории, отмеченные незаурядным ораторским мастерством, стремились попасть даже студенты других факультетов. При всей широте своих научных интересов Тарле уделял особое внимание проблеме крушения абсолютизма в Западной Европе. В частности, в годы работы на кафедре он исследовал историю рабочего движения в эпоху Великой французской революции, открыв тем самым новое направление в её изучении в России. В 1909 – 1911 гг. вышли в свет два тома его работы «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». Признанный мэтр отечественной исторической науки впоследствии еще не раз возвращался к этой теме в своих монографиях «Континентальная блокада», «Жерминаль и прериаль», биографиях Наполеона и Талейрана. Так были заложены традиции изучения истории Великой французской революции в научных исследованиях членов кафедры истории Нового и новейшего времени.

В тени двух названных ярких «звезд» кафедры новой истории и российской исторической науки в целом оказалась фигура Георгия Васильевича Форстена. Г.В. Форстен в 1890-е гг. стал наряду с Н.И. Кареевым одним из ведущих университетских профессоров всеобщей истории. В 1899-1906 гг. Кареев, как известно, по политическим мотивам был отстранен от преподавания в Петербургском университете. Освободившееся место ординарного профессора и занял

Форстен. Именно он принял курс новой истории, причем с одинаковой свободой владел всеми шестью периодами, на которые ее тогда делил учебный план. Его курс начинался с предыстории Реформации и заканчивался лекциями о Второй империи во Франции, франко-прусской войне и объединении Германии. Судя по сохранившимся свидетельствам современников, как лектор он пользовался не меньшей популярностью у студентов. И это притом, что Форстен почти демонстративно избегал погружаться в социально-экономические и философско-исторические сюжеты: новая история подавалась им как преимущественно история выдающихся личностей[7].

Значение Г.В. Форстена и в том, что он по праву может считаться одним из основоположников отечественной скандинавистики. Главной сферой его научных интересов стала дипломатическая история взаимоотношений Швеции, России, Ливонии, Польши, Пруссии и Дании в раннее Новое время. В отличие от Кареева и Тарле, Форстен был уже выпускником Санкт-Петербургского университета, где в 1885 г. защитил магистерскую диссертацию «Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI веках». Эта работа оказалась первым в России глубоко научным и по-настоящему объективным исследованием, отражающим историю международных отношений стран Запада на рубеже начала Нового времени. После двухлетней командировки для работы в зарубежных архивах он приступил к созданию своего главного исторического труда, который он защитил в 1894 г. в качестве докторской диссертации: «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях». В годы невероятно активной преподавательской и научной деятельности Г.В. Форстена Санкт-Петербургский университет стал одним из важнейших центров по изучению стран Северной Европы, были заложены основы создания петербургской исторической школы исследования истории дипломатии стран Балтийского региона.

В поступательное развитие изучения новой и новейшей истории вмешались события Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны. Утвердилась новая идеологическая парадигма, в рамки которой и должно было быть включено изучение новой и новейшей истории. Преподавание истории и в высшей, и в средней школе на какой-то период было заменено обществоведением, где вместо упора на конкретные факты, рассказа об исторических личностях и событиях на смену пришло изложение абстрактных схем развития общественно-экономических формаций. Сам Университет и исторический факультет пережили целую череду трансформаций. В 1919 г. гуманитарные факультеты Петроградского университета были объединены в Факультет общественных наук (ФОН). В 1925 г. этот факультет был преобразован в факультет языкознания и материальной культуры, который в итоге в 1930 г. вообще был выделен из состава Университета в качестве Ленинградского института истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). В процессе «советизации» исторической науки значительная часть старой профессуры была вытеснена выпускниками Института красных профессоров и Коммунистической академии[8].

Но даже эти глубокие потрясения не нарушили заложенных в конце XIX – начале XX вв. основ научного изучения новой истории. Так, в частности, традиции изучения Великой Французской революции были продолжены Яковом Михайловичем Захером. В течение 1918-20 гг. он обучался на историческом факультете Петроградского университета, где его дальнейшая научная судьба оказалась во многом определена знакомством с Н.И. Кареевым и Е.В. Тарле. В частности, Я.М. Захер посещал организованный Кареевым еще до Первой мировой войны семинар, посвященный истории Французской революции, где обратил внимание наставника своими способностями. В 1921 г. Захер был «оставлен по кафедре новой истории» и первым в отечественной исторической науке обратился к исследованию крайне левого движения в революции 1789 г. – так называемого движения «бешеных». Его монография с одноименным названием, написанная по итогам командировки в Париж и работы в Национальном архиве и библиотеке, вышла 1930 г. Однако к этому моменту молодой

историк-марксист уже был отстранен от профессорской должности в ЛГУ и исключен из партии за отказ выступить против одного из своих учителей – академика Е.В. Тарле. В середине 1930-х ему удалось вернуться на кафедру истории нового времени, однако в 1938 г. Захер был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной меньшевистской организации, отправлен в лагерь для политических заключенных в Богучаны, а затем в ссылку в Красноярск. К преподаванию на кафедре (тогда уже новой и новейшей истории стран Запада) Захер вернулся лишь в 1956 г.[9]

Свидетельством продолжения и развития традиций в тяжелых условиях «перестроек» были и работы ученика Е.В. Тарле – Александра Ивановича Молока, заложившего основы изучения французских революций XIX в. В 1920-х гг. вышла в свет серия его работ по истории Парижской Коммуны 1871 г. В период становления советской исторической науки и пропаганды исторических знаний эти работы А.И. Молока, носившие скорее научно-популярный характер, имели большое значение для распространения исторических знаний среди широких слоев населения[10].

В 1934 г. исторический факультет в Ленинградском университете был восстановлен. Была воссоздана и кафедра истории нового и новейшего времени. В течение нескольких лет сложился по-настоящему творческий научно-педагогический коллектив. Здесь были ученые, которые уже принесли славу российской науке, как, например, Е.В. Тарле, и исследователи, чье мировоззрение формировалось уже в советское время: А.И. Молок, Е.Н. Петров, П.П. Щеголев, и совсем молодое пополнение – В.Г. Ревуненков, В.С. Алексеев-Попов, В.Г. Брюнин, М.М. Малкин, П.Ф. Кухарский и другие. В эти годы тематика исследований, осуществлявшихся на кафедре, существенно расширилась, охватив целый ряд проблем истории Германии, США и международных отношений. Научные труды, опубликованные в конце 1930-х – начале 1940-х гг. этой плеядой историков, во многом и сегодня не утратили своей значимости – особенно в фактологической части.

Как отмечал в своих «Воспоминаниях» привлеченный тогда же к работе в ЛГУ Николай Павлович Полетика, приток молодежи на восстановленные исторические факультеты двух ведущих университетов страны был таков, какого не наблюдалось и в дореволюционной России. При этом на исторический факультет шли не за тем, чтобы сделать карьеру, поскольку подавляющее большинство выпускников ждало распределение учителями истории в средние школы, а для того, чтобы получить именно то образование, в котором испытывали внутреннюю потребность. Молодые люди, по мнению Н.П. Полетики, шли на истфак, гонимые любознательностью к недавнему прошлому, поскольку история – совсем в духе размышлений Кареева – позволяла сравнить настоящее с прошлым и давала ключ к будущему[11]. Именно такое поколение пополнило кафедру в следующее десятилетие.

Многое изменилось на кафедре после окончания Великой Отечественной войны и в составе преподавателей кафедры, и в учебных планах факультета и кафедры, и в тематике научных исследований. На некоторое время изучение истории международных отношений стало практически всеобщим. На историческом факультете была создана специальная кафедра истории международных отношений и внешней политики СССР, которую возглавил прежде занимавший пост профессора кафедры истории нового времени Н.П. Полетика. Полетика был одним из первых в СССР, кто серьезно на обширной документальной базе изучал историю возникновения Первой мировой войны. Его книги «Сараевское убийство» (1930) и «Возникновение мировой войны» (1935 г.) имели громкий резонанс в стране и принесли их автору славу крупнейшего советского специалиста в области истории внешней политики России рубежа XIX – начала XX вв.

Однако в конце сороковых – начале пятидесятых годов, в условиях разворачивавшейся кампании по борьбе с «космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом», к которым вслед прибавилось и «Ленинградское дело», Полетике пришлось оставить Ленинградский

университет[12]. Тогда на некоторое время появилась объединенная кафедра «Истории Нового времени и международных отношений». В 1951 г. ее закончили будущие крупнейшие отечественные американисты – ставший впоследствии академиком, членом Президиума РАН, академик-секретарь Александр Александрович Фурсенко, а также будущий член-корр. АПН СССР, доктор исторических наук, профессор Виктор Константинович Фураев.

Вскоре после окончания войны на работу в Москву переехали Е.В. Тарле и А.И. Молок. Заведующим кафедрой в 1950 г. был назначен профессор В.Г. Брюнин, который уже приобрел известность как специалист по истории Германии начала XX в. Помимо вернувшихся в университетские аудитории преподавателей, работавших на кафедре в предвоенные годы – В.Г. Ревуненкова, Р.С. Мнухиной, С.А. Могилевского, В.Н. Белановского, П.Ф. Кухарского, состав преподавателей пополнился недавними студентами, выпускниками кафедры: К.Б. Виноградовым, В.К. Фураевым, М.Н. Кузьминым, С.М. Стецкевичем, С.И. Ворошиловым. Сложился педагогический коллектив, который на протяжении 1950-х – первой половины 1970-х гг. оставался почти неизменным. Эти ученые и педагоги стали учителями многих из тех, кто сейчас работает на кафедре.

С 1957 по 1989 гг. кафедру возглавлял профессор Владимир Георгиевич Ревуненков, составивший целую эпоху в ее истории. С середины 1960-х гг. его научное творчество было почти безраздельно связано с историей Великой Французской революции. Тем самым была продолжена почти вековая традиция изучения на кафедре этого поворотного периода в мировой истории.

Многочисленные работы В.Г. Ревуненкова по этой теме обозначили появление в нашей стране ленинградской школы в изучении истории Великой Французской революции, существенно расходившейся по ряду ключевых вопросов с московской школой Н.М. Лукина – А.З. Манфреда. Опираясь на достижения историографии, прежде всего французской, и более обширную базу источников по истории Революции конца XVIII века, В.Г. Ревуненков тщательно проанализировал социальный состав, идеологию, тактику, политические организации парижских санкюлотов и их отношения с якобинцами. Им был сделан вывод о том, что якобинская диктатуры не была блоком революционной буржуазии и народных масс, что в период якобинской диктатуры существовало двоевластие – с одной стороны, буржуазная диктатура якобинцев, воплощенная в Конвенте, с другой – Коммуна Парижа и ее секции, олицетворявшие власть санкюлотов.

В.Г. Ревуненков имел отличный от устоявшегося в то время взгляд на вопрос о хронологических рамках этой революции. Он убедительно доказывал, что революцию следует ограничить периодом 1789-1799 гг. Таким образом, «наполеоновская эра» (1799-1814 гг.) была выделена им в особый, вне рамок революции, период развития Франции, который, как полагал ученый, нельзя ни отождествлять с эпохой революции, ни отрывать от нее[13]. Фундаментальным трудом, ставшим итогом плодотворных исследований, стали его знаменитые «Очерки по истории Великой французском революции» (1982-1983). В эти же годы В.Г. Ревуненков работал над книгой об одном из главных героев революции – Наполеоне Бонапарте. В 1999 г. вышла работа ученого «Наполеон и революция. 1789-1815», а в 2001 г. ее переработанное и дополненное издание под новым названием – «Взлет и падение Наполеона Бонапарта».

Более тридцати лет В.Г. Ревуненков отдал изучению различных проблем истории Великой Французской революции. Но эта тема не была единственной в его научном творчестве. Небольшие по объему статьи В.Г. Ревуненкова об особенностях и историческом значении английской буржуазной революции XVII века, об июньском восстании 1848 года в Париже, о периодизации новой и новейшей истории и по многим другим темам становились явлением в науке, поскольку автор предлагал новое видение, новую интерпретацию, новые оценки хорошо, казалось, изученных проблем.

Выдающимся историком и педагогом был и профессор Кирилл Борисович Виноградов. Он пришел на кафедру с уже сформировавшимися научными интересами, которые лежали в области истории международных отношений второй половины XIX – начала XX вв. Этой проблематике, в частности, была посвящена опубликованная им в 1964 г. книга «Боснийский кризис 1908-1909 гг. – пролог первой мировой войны». Большой вклад в изучение историографии внесли его «Очерки английской историографии нового и новейшего времени» (1959 г.; 1975 г.), а также «Буржуазная историография первой мировой войны: происхождение войны и международные отношения 1914-1917 гг.» (1962 г.).

Жанр политической биографии, ставший весьма популярным в нашей стране в 1960-1970-х гг., обрел в лице К.Б. Виноградова одного из самых колоритных авторов. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять в руки его «Дэвида Ллойд Джорджа» (1970 г.), или пролистать ту часть биографических очерков, которые вошли в сборник «Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX века» (2002 г.) и в книгу «Мировая политика 60-80-х годов XIX века: события и люди» (1991 г.) В этом он может быть назван достойным продолжателем другого мастера этого жанра – Е.В. Тарле. Кирилл Борисович обладал талантом находить емкие, нешаблонные характеристики, позволяющие зачастую всего несколькими фразами создавать яркие и запоминающиеся портреты своих исторических персонажей. Причем это ему удавалось в равной мере хорошо, пользовались ли они его симпатией, или нет. Заложенные Кириллом Борисовичем исследовательские каноны поддерживают и развивают его многочисленные ученики[14].

После окончания Отечественной войны важнейшим направлением в научных исследованиях и преподавании на кафедре стала история США. Исследованием сложных, противоречивых отношений между США и СССР межвоенного периода занялся талантливейший ученый и педагог, окончивший университет уже после возвращения с фронта, Виктор Константинович Фураев. Объектом его исследований в кандидатской диссертации стали различные аспекты советско-американских отношений в период между двумя мировыми войнами. В 1964 г. вышла в свет его книга «Советско-американские отношения 1917-1939 годов», которая стала основой защищенной В.К. Фураевым докторской диссертации. Однако Виктор Константинович не замыкался в рамках истории США. Обладатель бархатного баритона, знаток и участник Второй мировой войны, он привлекал на свои лекции по дисциплинам специализации и спецкурсы по истории США и истории Второй мировой войны, предназначавшиеся студентам, специализировавшимся по кафедре истории Нового и новейшего времени, студентов и других кафедр.

Ярким, талантливым человеком и ученым был Марк Николаевич Кузьмин. Он был прекрасным знатоком французской истории, особенно последней четверти XIX века и межвоенного периода. Отличительной и узнаваемой особенностью его лекционных курсов и научных работ было оживление их цитатами из произведений российской и зарубежной художественной литературы. М.Н. Кузьмин оставил после себя большое количество статей, в которых анализировались события внутриполитической жизни Франции. Хорошо известна также его монография «Внутриполитическая борьба во Франции (1926-1932)», опубликованная в 1975 г. Эта книга богата портретными характеристиками французских государственных и политических деятелей, разного рода биографическими справками, она написана образно и глубоко. Таким же ярким стилем отличаются и статьи М.Н. Кузьмина[15].

Традиционным направлением в научно-исследовательской работе кафедры всегда оставалась и германистика. Долгие годы на кафедре проблемами германской истории плодотворно занимался профессор Станислав Иванович Ворошилов. Заслуженный успех и ученую степень доктора наук принесла ему опубликованная в 1968 г. монография «Рождение Второй республики в Австрии», в которой автор охарактеризовал возникшее в стране движение Сопротивления, позицию некоторых политических и деловых кругов, лояльных к нацистскому режиму Германии, процесс освобождения Австрии и формирования новой республики.

В послевоенные годы происходит дальнейшее расширение научных и учебных направлений работы кафедры. Так, на базе двух кафедр – кафедры истории Нового и новейшего времени и кафедры истории Средних веков – был создан славянский сектор, руководителем которого стал Василий Никитич Белановский, автор многих работ по истории Болгарии, Югославии и других стран Центральной Европы и Балканского полуострова. Органично в этот сектор на кафедре истории Нового и новейшего времени в разные годы входили С.М. Стецкевич и Э.И. Легуров – специалисты по истории Польши. Особенно заметную роль в становлении и развитии отечественной полонистики сыграли работы Станислава Михайловича Стецкевича: в 1955 г. вышла его монография «Революция 1905-1907 гг. в Польше», за которой последовали «Рабочее движение в Польше в 1918-1919 годах» (1966 г.) и «Пролетариат Королевства Польского в революции 1905-1907 гг.» (1995 г.)[16].

В 1950-х гг. в учебном плане специализации появился курс лекций по истории стран Латинской Америки. В течение многих лет читал его профессор В.Г. Ревуненков. Он же был автором и первого в нашей стране учебного пособия, «Истории стран Латинской Америки в новейшее время», вышедшей в 1963 г. В качестве учебной дисциплины в те же годы появилось также источниковедение Новой и новейшей истории. Этот курс лекций в течение многих лет читала Ревекка Семеновна Мнухина, она же написала первое в нашей стране учебное пособие: «Источниковедение истории нового и новейшего времени» (1970 г.).

Курс лекций по истории скандинавских стран долгие годы читал для студентов кафедры специально для этого приглашенный из Ленинградского отделения Института истории РАН Игорь Павлович Шаскольский. Игорь Павлович сам прежде с отличием окончил исторический факультет ЛГУ, здесь же в 1947 г. была с успехом защищена и его кандидатская диссертация. Однако в 1970-х гг. на кафедре появились в качестве сотрудников свои специалисты-скандиноведы: в конце 1970-х гг. Александр Владимирович Прохоренко, а в 1990-е гг. – Владимир Николаевич Барышников[17].

В настоящий момент в числе основных развиваемых на кафедре научных направлений можно выделить следующие: история международных отношений в эпоху нового и новейшего времени, история стран Северной Европы и Скандинавии, исследование ряда ключевых проблем истории и историографии США, Франции, Германии, Великобритании, Испании, Латинской Америки и малых стран Европы.

На кафедре многое делается для того, чтобы сохранить память об учителях, прежних поколениях преподавателей кафедры, которые заложили традиции изучения Новой и новейшей истории зарубежных стран в стенах Ленинградского – Санкт-Петербургского университета. Портреты некоторых из них украшают стены кафедры, ежегодно из-под пера нынешнего поколения преподавателей кафедры выходят статьи, посвященные ярким исследователям и педагогам прошлых лет.

Что касается понятия «ленинградской-петербургской школы» – его нелегко сформулировать в целом. Она, безусловно, не исчерпывается более чем столетними традициями изучения Великой Французской революции и особенностями трактовки ряда ее ключевых вопросов – притом, что это направление объективно можно признать центральным. Крупнейших представителей целой плеяды историков, воспитанных в стенах кафедры и плодотворно работавших на ней, всегда объединяла исключительная широта интересов. Их вклад, объединенный вокруг кафедры истории нового и новейшего времени – это многие тысячи студентов, тысячи статей, более сотни монографических исследований и новых учебных курсов, это возникшие центры изучения всеобщей истории по всей стране.

Ученики, продолжая дело своих учителей, сплошь и рядом в конечном счете приходят к собственному видению. В этом и есть залог развития исторической науки, ее движения вперед. Но это развитие всегда должно от чего-то отталкиваться. От чего-то сформулированного и прочно доказанного, от выдвинутых гипотез, которые со временем либо подтверждаются,

либо находят свое опровержение. Каждый из учившихся здесь тоже может сформулировать для себя, чем лично он обязан своему становлению своим учителям по кафедре и факультету, что позволило ему оттолкнуться от берега и пуститься в самостоятельное плавание. Это были и традиции добросовестного служения науке, и личный пример, и конкретные исторические работы. Все это исчерпывающе раскрывается в тех докладах, с которыми выступили участники научной конференции, тексты которых объединяет этот сборник. Именно они в своей совокупности и позволяют получить представление о том, какой вклад внесла кафедра истории нового и новейшего времени исторического факультета СПбГУ в формировании ленинградской – петербургской школы историков.

---

[1] История Ленинградского университета: Очерки. Вып. I. Л., 1976. С. 151-152.

[2] Цит. по: Ingenlath M. Mentale Aufrüstung: Militarisierungstendenzen in Frankreich und Deutschland vor dem Ersten Weltkrieg. Frankfurt a/Main, 1998. S. 104.

[3] Кареев Н.И. Об общем значении исторического образования // Историческое обозрение: сборник исторического общества при Санкт-Петербургском императорском университете. 1894. № 7. СПб., 1894. С. 43-64.

[4] Там же. С. 55.

[5] Ростовцев Е.А. Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX-XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 3. 2000. Вып. 4. С. 105-121.

[6] Там же. С. 106.

[7] Кан А.С. Историк Г.В. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 72.

[8] Дворниченко А.Ю., Тихонов И.Л. Историческому факультету – 70 лет // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934-2004.: Очерк истории. СПб., 2004. С. 11-12.

[9] См. подробнее: Золотарев В.П. Яков Михайлович Захер (1893-1963) // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 180-203.

[10] Евдокимова Н.П., Шершнева С.В. Кафедра истории нового времени // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета... С. 232-233.

[11] Полетика Н.П. Виденное и пережитое (Из воспоминаний). Иерусалим, 1990. С. 189-190.

[12] См. подробнее: Давидсон А.Б. Николай Павлович Полетика (1896-1988) // Российские и славянские исследования. 2009. Вып. 4.

[13] Евдокимова Н.П., Петрова А.А. Владимир Георгиевич Ревуненков (1911-2004) // Новая и новейшая история, 2009, № 4; Евдокимова Н.П., Петрова А.А. Владимир Георгиевич Ревуненков / Портреты историков. М., 2010; Евдокимова Н.П., Петрова А.А. В. Г. Ревуненков – ученый, оставивший след в науке // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2005. Вып. 2.

[14] Подробнее см.: Кирилл Борисович Виноградов (1921 – 2003) // Новая и новейшая история. 2004. № 2; Евдокимова Н. П. Кирилл – это эпоха, сплав одержимости, ума и воли: Памяти К. Б. Виноградова // Санкт-Петербургский университет, 2004, № 1-2; Евдокимова Н. П., Суртаев П. Б. Профессор истории: ученый и педагог К. Б. Виноградов // Вестник С.-Петербургского университета. 2004. Сер. 2. История. Вып. 3-4.

[15] Евдокимова Н. П., Шершнева С. В. Кафедра истории нового времени… С. 249.

[16] См. подробнее: Шершнева С.В. К 90-летию рождения С. М. Стецкевича (1921-1994) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени исторического факультета СПбГУ / Сост. Т. Н. Гончарова. 2011. № 6. СПб., 2011. С. 158-165; Евдокимова Н. П., Шершнева С.В. Кафедра истории нового времени… С. 243-245.

[17] Евдокимова Н.П., Шершнева С.В. Кафедра истории нового времени… С. 238.